

Истоки наши — отчий дом

Конечно, это чудо. Даже если ты видишь его каждый день, проходя мимо, даже если, погруженный в свои мысли, просто скользишь взглядом по старым стенам. Чудо, и ничто иное — великолепно сохранившийся столетний дом в центре Чалтыря, по улице Мясникяна, под номером 66. Для точности скажу, что вековой рубеж он «преодолеет» в 2013-м. А нынче отмечает 101-й год.

Три сестры — владелицы уникального наследства — встречают нас у порога. Как дорогих гостей сразу приглашают подняться в парадные покои, на второй этаж. Туда ведет наружная лестница из кирпича с крепкими металлическими перилами, густо оплетенными виноградом. И вот за нами закрываются двери, и мы словно попадаем в другое временное измерение. Шумный, суетный день остается за порогом, а здесь... Здесь так хорошо, спокойно, минуты скользят тихо, неторопливо.

Из прихожей vstupаем в просторную комнату, ее, пожалуй, можно назвать гостиной, а на чалтырском диалекте это — мец-дун (большой зал). Отсюда дверь ведет в комнату поменьше — покыр-дун (малый зал). Далее спальня, кладовая, и второй выход в прихожую-коридор. Планировка традиционная для армянских сельских построек того времени, главные достоинства которой — функциональность, удобство, простота.

С интересом разглядываем старинный интерьер, мебель начала прошлого века: поблескивающие шоколадной лакировкой шкафы, высокую дубовую кровать с резными спинками, комод, зеркала в витой деревянной оправе, под ними — изящные консоли с изогнутыми ножками. Все, естественно, из натуральной древесины. И все до сих пор в пригодном состоянии. Сколько же требуется любви и преданности, аккуратности и терпения, чтобы сберечь это добро.

На правах старшей сестры, рассказ об истории дома ведет Аза (Астхик) Хунгианосовна Дукова. Средняя, Ангела Хунгианосовна Явруян, и младшая, Римма Хунгианосовна Хочкиян, дополняют ее повествование.

Кирпичный двухэтажный жилой дом, по утверждению сестер, самый первый в Чалтыре, спланировал и построил их дед, Арутюн Хачехпарович Мошмян. Фундамент заложили каменный, на нем возвели деревянный каркас, который затем изнутри обмазали глиной (дзепом), а снаружи обложили кирпичом. Двоюродный брат

деда и его тезка был совладельцем чалтырского кирпичного завода (ныне ЗАО «ЧПКПСМ»), отсюда и поставлялся этот строительный материал. Как говорят сестры, первый выпуск кирпича пошел на кладку стен их дома. Возведен он был довольно быстро — работы начались весной, а уже осенью справили новоселье.

Арутюн Хачехпарович занимался торговлей, потому первый этаж отвели под магазин, семья поселилась на втором. Успешный коммерсант, он привозил на продажу только качественные продовольственные товары. Ездил за ними по всей России, бывал даже за ее пределами. Вдалеке от близких постоянно думал о них, об их нуждах, комфорте. К примеру, мебель, которой Мошмяны обставили верхние комнаты, возможно, заграничного производства, по семейной версии, привезена из Италии.

Кстати, эта красота появилась в доме после рождения последней, пятой дочери — Мариам, в 1914 году. Вот такой щедрый подарок глава рода преподнес любимой жене Гоар Хачересовне и детям. Оказалось, что не только им, но и куда более отдаленным потомкам. Всего же супруги Мошмяны произвели на свет 13 сыновей и дочерей, но, к сожалению, выжили только девочки.

Вместе со своими обитателями дом пережил все потрясения 20 века — первую мировую, революцию, гражданскую, Великую Отечественную...

В 1917 году здесь были на постое кадеты. Дом-то приметный, в селе таких, в два этажа, было мало, вот и заявились без спроса, заполнили комнаты без церемоний. Осмотревшись по сторонам и увидев богатую обстановку, начали допрашивать хозяина: где спрятал золото? Арутюн Хачехпарович ничего им не сказал. А ночью его 17-летняя дочь Ашхен, понимавшая по-русски, подслушала разговор непростых гостей. Они собирались, как все уснут, перерезать горло хозяевам и отыскать драгоценности. Девушка предупредила родителей, и вся семья тайно покинула свое жилище. На следующий день кадеты уехали, а Мошмяны вернулись домой. Здесь все было перевернуто вверх дном, выпотрошены шкафы и буфеты. Но золото так и не нашли. А оно находилось у них буквально под ногами: пол на первом этаже был застелен двойным войлочным покрытием, на котором играли дети. Между его слоями и было припрятано золото. От злости кадеты в крошево изрубили изразцовую плитку с тыльной стороны печи. Да еще каким дьявольским способом! Кафель-то глазурован-

ный, потому гладкий, так они, чтобы сабля не соскальзывала с поверхности, залепили ее тестом и всю иссекли.

Вскоре после этих событий от аппендицита умер глава семьи — в 51 год. Гоар Хачересовна осталась с четырьмя дочерьми на руках (старшая из девочек была замужем). Торговое дело без должного присмотра постепенно сошло на нет, магазин пришлось ликвидировать, и это, скорее всего, спасло семью от репрессий. Перебивались тем, что давали временное пристанище квартирантам. Бабушке приходилось трудно, но она была очень сильной, физически выносливой женщиной. Зимой ходила босиком по снегу, практически никогда не болела. К тому же, руки у нее были золотые. И с шитьем управлялись, и с кирпичной кладкой. К примеру, Гоар Хачересовна сама построила во дворе уличную печь-пур, и еще такую же — в подвале дома, чтобы пользоваться ею зимой.

Девочки выросли, вышли замуж, разлетелись в разные стороны, родили своих детей. А самая младшая, Мариам, осталась в отчем доме вместе с молодым мужем Хунгианосом Хурдаяном. Жили они здесь дружно, в ладу, трудились, растили детей. И все было хорошо, пока не началась война. Беременная третьим ребенком, Мариам проводила мужа на фронт. Но ему не суждено было вернуться, узнать, что у него родилась еще одна дочка... Фашисты, оккупировавшие Чалтырь, чувствовали себя здесь хозяевами. Они выгнали Хурдаянов на улицу и заняли их дом.

Мариам Арутюновна решила перебраться с дочками в Ростов, к сестре. История их переезда тоже требует отдельного рассказа. В путь тронулись на бричке. Мать шла пешком вместе с племянницей Манушак, две старшие девочки сидели в повозке, самую маленькую, 20-дневную Римму держала на руках старшая Аза. С собой взяли корову-кормилицу, привязав ее к бричке. В дороге животное отвызвалось и убежало в степь, мать бросилась за ним. А Аза, сама еще четырехлетний ребенок, в какой-то момент неловко повернулась и выронила малышку. Кое-как корову догнали, снова прицепили к повозке и хотели уже тронуться дальше, а лошадь не идет. Не слушает плетки, стоит как вкопанная, ногу за неслась, но не ступает. Не сразу поняли, в чем дело. Когда же заглянули под копыта животному, увидели лежащую на земле Римму. Завернутая в одеяльце, она издавала слабый писк. Девочка сильно ударила головой, потом шишки еще долго не заживали. Но ничего, все, в конце концов, обошлось.

После освобождения района от немцев семья вернулась в родные пенаты. Мать работала в столовой поваром, раздавала обеды женам и детям погибших на фронте солдат. Свой скудный паек, немного супа и хлеба, приносила девочкам. Тем и кормились. Еще выручал огород, на котором в больших количествах выращивали тыкву.

С победой на Землю пришел долгожданный мир. Но это общее счастье было омрачено личным горем семьи — отец не вернулся с фронта. Семья даже не получила от него последней весточки. Где, как погиб человек, ничего не знали. Жизнь продолжалась, девочки быстро выросли, стали матери помощницами. Теперь наступило их время, пришел их черед устраивать судьбу, познать счастье материнства, стать хозяйками. И отчий дом, уютная колыбель детства и юности, послужил им отправной точкой, с которой они начали новый этап жизни. Все три свадьбы сыграны здесь. Так было принято раньше, не в палатках, ни тем более, в кафе это торжество не отмечалось. Гостей собирали на втором этаже, в мец-дуне, который предварительно освобождался от мебели, объемных вещей — их выносили на веранду. Веселье длилось до утра, звучала давул-зурна, подоконники почти до верха оконного проема были завалены фуфайками, полушубками и шапками, свадьбы-то играли зимой...

Выдав дочерей замуж, Мариам Арутюновна жила в доме вместе с одной из своих сестер — Егисапет. Хозяйка продолжала заботиться о жилище, возвращаясь поздним вечером с работы, наводила порядок в комнатах, тщательно ухаживала за мебелью. Раз в два-три года обязательно все шкафы, комод, кровать, консоли вскрывала лаком. Это трепетное отношение к имуществу, а если взять шире, к истории семьи, дома, к честному, доброму имени предков, девочки переняли у матери. И то, что даже в самых тяжелых обстоятельствах она ничего не продала из купленных отцом и мужем вещей, означает для ее дочерей

очень многое. Старшая Аза хорошо помнит, как в 1947 году к ним приезжали какие-то люди, скорее всего, антиквары из города, и предлагали хорошую цену за мебель, но мать категорически им отказала, хотя ее дети голодали. И после смерти Мариам Арутюновны, вот уже более двадцати лет, девочки обращаются с домом и с его содержимым как с чем-то живым, одушевленным. Они чтят память матери, столетие со дня рождения которой отметили нынешним летом. И свято хранят главную семейную реликвию — отчий дом. Здесь сейчас живет средняя сестра Ангела Хунгианосовна, здесь выросла ее дочь, и дети Азы и Риммы многие дни своего детства провели в этих стенах...

За сто лет дом не подвергался серьезным преобразованиям. В 1958 его капитально отремонтировали, жестяную кровлю заменили шифером. Когда позднее проводили газ, кое-где на полу пришлось распиливать доски, так вот мастера были поражены чистым, молочно-белым цветом опилок — толстая древесина не пострадала от жуков. Спустя сорок лет крышу еще раз обновили, не так давно поставили пластиковые окна. Дом продолжает жить. Он не пустует. Очень часто комнаты его наполняются голосами, смехом, запахом вкусной еды: сестры собираются вместе, приводят с собой членов своих семей. С гордостью они рассказывают внукам об отчем доме, который благодаря человеческой любви и заботе, верности традициям выстоял под ветрами истории и наверняка еще долго простоит.

И. АЧАРЯН.

На снимках: сестры Аза Дукова, Римма Хочкиян, Ангела Явруян;

этому дому по улице Мясникяна 101 год.

Фото А. МИРУКЯНА.